

12+

Лена Кройц

Сказки-притчи

Лена Кройц
Сказки-притчи

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кройц Л.

Сказки-притчи / Л. Кройц — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Живые яркие образы и чистый классический русский язык рассказов дарят читателю не только знакомство с захватывающими сюжетами, но и настоящее удовольствие от чтения. Очарование пейзажей Индии, одухотворенность и человечность героев, их размышления и поступки вдохновляют читателя на поиск собственных ответов на вечные вопросы.

Содержание

Дхаран	5
Гадальщик	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Лена Кройц

Сказки-притчи

Дхаран

Ясное весеннее утро незаметно перетекало в жаркий день, когда трое мудрецов после ежедневного купания в реке Шарду степенно облачались в свои одежды.

Беспокойная горная река, приносящая на берег со свежих осыпей в ущельях Гималаев едва окатанные чёрные камни, здесь разливается прохладным неспешным течением. В прибрежных травах и камышах скрипят вездесущие цикады. Прозрачные стрекозы висят над неподвижным водяным зеркалом, высматривая добычу. Изящные водомерки, хищные водные скорпионы и пузатые жуки-плавунцы, населяющие мелководье, ловко проскальзывают между листьями и цветами желтых кувшинок, деловито направляясь каждый по своим делам.

Когда солнце начало по-дневному припекать, мудрецы с некоторым сожалением оторвались от созерцания этой мирной картины и двинулись по тропинке, ведущей в город, к развернувшемуся уже базару.

Дхаран, где они провели всю прошедшую зиму, уютно расположился в ложбине, зажатой с трёх сторон предгорьями великого хребта Махабхарат, у самой кромки плодородных равнин Тераи. Единственная дорога, идущая с юга, вела торговые караваны из долины через местный рынок дальше к горным селениям, забираясь всё выше к зазубренным вершинам Малых Гималаев и оттуда, уже по крутым скользким склонам – в Катманду.

Базар был в самом разгаре: лавочники, ремесленники, чайханщики и покупатели кричали и торговались, перебирали и перекладывали свежие овощи, пересыпали рис и бобы, щупали ткани, нюхали специи и вяленую рыбу.

Поодаль от этой увлечённой пёстрой толпы, у рыночных ворот, на обычном для попрошайек месте, в придорожной пыли сидели дети: мальчик – подросток и девочка лет трёх в замызганном красном платье.

Мудрец, что шел последним, споткнулся и застыл в полушаге от них, как вкопанный, а всмотревшись, издал неожиданно громкий гортанный звук, заставивший двоих других обернуться, а базарный шум на мгновение затихнуть.

Его остановившийся взгляд упирался в мальчика, сидевшего закрыв глаза, привалившись к колесу повозки. Запыленное лицо и голые руки ребёнка были покрыты волдырями, он что-то бормотал и, похоже, был без сознания. Девочка, игравшая здесь же разноцветными камешками, подняла на подошедших мудрецов отстраненный взгляд. На её левой щеке выступала характерная, покрытая потрескавшейся корочкой, округлая ранка.

«Добро пожаловать, уважаемый гость оспа...» – почти неслышно выдохнул один из них.

Мудрецы развернули телегу так, чтобы больные дети оказались в тени, а людской поток, огибавший их вместе с повозкой, оказался как можно дальше, и сошлись в тесный круг – посоветоваться.

«Базарная площадь многолюдна. За утро здесь побывали десятки людей и болезнь уже не остановить. Все, кто есть в Дхаране, переболеют. Те, кому суждено, покинут нас. Те, кто должен ещё остаться – выздоровеют, – сказал первый мудрец, – и мы не можем отличить одних от других своим человеческим разумением.»

«Мы будем носить красное и молиться капризной богине Мариатале, чтобы она отпустила нас из своих цепких объятий и позволила спасти жителей Дхарана.» – произнес второй.

Третий мудрец думал дольше всех: «Мы не можем оставить этих детей без помощи. Если вы не готовы вступить в борьбу с чёрной оспой, можете найти себе на время другое жильё, – он

был бледен и возбуждён, – Очень скоро болезнь начнёт собирать дань с Дхарана, но в наших силах не пустить её дальше в горы. У нас мало времени.» Два других с готовностью кивнули.

Через минуту один из мудрецов быстрым шагом направился в совет старейшин, другой – в лавку за лекарственными травами, а третий – за носилками для больного.

«Не понимаю, о чём ты просишь? – самый уважаемый из старейшин, хотя и не был старше всех, зато был самым хитроумным, – то, что мы все непременно заболеем, я уразумел. А вот почему мы должны запереться в обреченном городе, рискуя остаться без помощи и пищи, и какая в этом польза? Изложи ещё раз,» – он не был напуган, только озадачен.

«Дети принесли болезнь в Дхаран из долины. Путь в горы на сотни миль здесь один. Если мы не выпустим оспу на дорогу в Катманду, мы спасем еще множество жизней.

Ещё, я думаю, что самое сильное в человеческом теле – это Дух. А Дух питается смыслом. Если жители Дхарана услышат своими сердцами призыв к спасению других, то и противостояние болезни для каждого из них будет более стойким.

И, конечно, не последнюю роль может сыграть совет старейшин, мужественно принявший такое сложное решение и показавший всей стране, а то и миру, подвиг сострадания.» При последних словах Мудрец отступил на шаг и уважительно склонил голову.

«Благодарю за своевременное предупреждение, Мудрейший. Не задерживаю тебя более. О дальнейшем я распоряжусь.»

Через полчаса на горной дороге, на самом солнцепёке уже стояла охрана. А местные силачи уже катили по склону огромные камни, чтобы перекрыть ими подступы к замершему в ожидании Дхарану.

Тем временем, два других мудреца, обернув лица душевной тканью, уже несли мальчика в свой дом, чтобы поскорее начать лечение. Девочка шла сама, уцепившись одной рукой за носилки, а другой крепко прижимая к груди цветные камешки, единственные свои игрушки.

Когда третий мудрец вернулся, дом был похож на лазарет: в котелке на кухне дымился травяной отвар, распространяя по дому обнадеживающий запах мяты и чабреца. Мальчик лежал на тюфяке с холодной повязкой на голове, а девочка стояла в корыте, первый мудрец бережно снимал с неё лохмотья, а второй внимательно осматривал хрупкое немывое тельце. Она стояла, не двигаясь, безразлично глядя на происходящее, механически поднимая и опускающая руки.

«Удивительно, – заключил мудрец после осмотра, – на её теле больше нет ни язв, ни даже сыпи. Будет разумно предположить, что её тело успешно борется с болезнью. А значит, заразившиеся от неё получат ослабленную оспу, а не такую яростную, как у её брата.»

«Чёрная оспа чрезвычайно прилипчива, и как бы мы ни старались, у нас есть не больше пары дней, чтобы что-то предпринять,» – сказал второй.

«В Месопотамии я учился у арабского лекаря, – подал голос третий. Он сосредоточенно отрывал длинные полосы белой ткани от застиранной простыни и аккуратно скатывал их в бинты для повязок, – их врачеватели давно практикуют прививание оспы лёгкой формы, чтобы воспитать устойчивость человека к тяжёлой. Я могу провести процедуру. Это несложно. Но прививание не даёт абсолютного результата. Некоторые всё же умирают.»

«Что же, или некоторая вероятность выжить или некоторая вероятность умереть. Для меня выбор очевиден, – второй мудрец решительно поднялся, – что нужно приготовить?»

Первый мудрец тоже подобрался: «Каждый человек вправе бороться за свою жизнь, хотя судьба его всё равно в руках богов. Когда-то я читал, что так прививают девочек, чтобы сохранить их красоту для пополнения гарема, – он вдруг спохватился, – а как же ты?»

«Кто-то должен ухаживать за всеми вами, пока болезнь не отступит. У меня здоровое тело и сильный дух. Возможно, я даже переболел оспой в юности, и вообще не заболею,» – задумчиво сказал третий.

«Но на твоём теле нет оспенных отметин,— начал первый и осёкся,— опять твоё «Кто-то должен»? — тёплый отвар полился из большого чайника на детские плечи, — я пока не буду мыть лицо, чтобы раньше времени не потревожить ранку.»

Вскоре девочка была завернута в самый маленький халат, укрывавший её, как одеяло, ящик с хирургическими инструментами открыт, а двое мудрецов обнажили плечи для прививки.

В два крошечных надреза на каждом левом плече Мудрец поместил по одной чешуйке со щеки ребёнка и крепко забинтовал. Оставалось ждать и молиться.

Первую сыпь заметили у одного из мудрецов к рассвету, когда он переливал кроваво-красный настой толченого черного риса. К концу следующего дня оба уже не могли встать. Жар, озноб, потом снова жар. Третий мудрец сбивался с ног подавая воду, обтирая пот, меняя повязки и мокрые простыни.

Малышка сидела на полу в одном из углов, перебирая свои драгоценные камешки, с интересом наблюдая за замысловатой игрой, в которую играл этот взрослый насупленный человек, изредка ловя на себе взгляд его внимательных серых глаз.

В середине ночи наступило затишье, и Мудрец, устроив девочку вместе с халатом на своём тюфяке, сел рядом. Три свечи, зажженные у постелей больных, давали достаточно света, чтобы был виден блеск её открытых равнодушных глаз. Она лежала молча, только упрямо сжимала в кулачках камни, не позволяя забрать их даже на время сна.

«Пожалуй, я расскажу тебе сказку. Закрывай глаза и попробуй заснуть,»— сказал Мудрец.

«Когда-то давно в одинокой хижине недалеко от высокогорной деревни Моссури, жил маленький мальчик со своей мамой. Окрестные земли были плодородны, лес, сад и огород приносили достаточно, чтобы жизнь казалась мальчику безбедной. Целыми днями он лазал по деревьям и скалам, загорая до черноты. Лежал в послеобеденный час в пахучих травах на остывающих склонах, глядя в высокое белёсо-голубое небо. А по вечерам, засыпая на тёплых нежных руках, мальчик чувствовал абсолютное счастье и думал, что так будет всё время.

Но однажды, птицы абабилъ принесли в деревню неизвестную хворь. Многие жители окрестных мест заболели, слегла и его мать. Сначала она смеялась, подбадривая его, говорила, чтобы он не подходил близко, и что она через день – другой встанет, как не бывало. Потом у неё уже не было сил разговаривать, и она только улыбалась, завидев его, побледневшими губами. К вечеру третьего дня, мама перестала открывать глаза, её лицо стало таким белым, что выглядело чужим.

Мальчик забыл о запрете и подошёл к постели близко-близко. Но мама не шевелилась. Вне себя от ужаса и горя, он бросился вон из дома, в темноту, не разбирая дороги. Он бежал, и кусты жестоко хлестали его по голым ногам, острые камни впивались в босые ступни, а звёзды, утратив родство, холодно и отчужденно смотрели на него с высоты.

Выбившись из сил, мальчик упал в зарослях на краю отвесного уступа. Лёжа лицом вниз, в слезах, он в отчаянии молил о чуде. Когда он поднял голову, темнота вокруг будто расступилась: на расстоянии вытянутой руки во множестве росла незнакомая трава. Её маленькие листья, плотно покрывающие стебли, сияли в темноте зеленоватыми прожилками. Вскочив среди этого волшебного свечения во весь рост, вдохновленный неведомой силой, мальчик бросился рвать необычную траву, а собрав целую охапку, полетел, что есть духу, домой. Это была Аам Тари, растущая только в Гималаях.

Пока готовился отвар, он положил несколько растений матери на грудь и прижал их её едва гнущимися руками. Может, ему показалось, как от стеблей по пальцам и запястьям к локтям, плечам и дальше к подбородку прошла едва различимая волна. Губы матери порозовели и дыхание стало заметнее. Это было похоже на чудо. Он сейчас верил в чудо. Всем сердцем.

На глазах мальчика снова выступили слёзы. Но это были уже слёзы надежды. Смочив кусок чистой ткани горячим ещё отваром, он с непонятной уверенностью осторожно обтер сначала лицо и руки, потом и всё её исхудавшее тело.

Несколько раз ещё кожа больной покрывалась мутным резко пахнущим потом и столько же раз мальчик без тени сомнений бережно смывал его отваром из Аам Тари. К утру он задремал, обняв её неподвижные колени....

Проснувшись, когда утреннее солнце дотянулось до его макушки, мальчик увидел, что мама слабо улыбается, едва приоткрыв веки.

Неделями после страшной ночи мальчик на закате возвращался на тот уступ: насобирать ещё травы, постоять на сумеречном ветру, подставив разгоряченную заботами голову, поблагодарить, не зная кого... траву Аам Тари и весь мир... за то, что откликнулся.

Однажды, когда мать совсем выздоровела, а ночи стали уже холодными, стоя среди Аам Тари и поглаживая её стебли и светящиеся листья, он не понял, а всем телом почувствовал своё единство с бескрайним миром, населенным людьми и растениями, животными и насекомыми и неведомыми ему ещё творениями. Он почувствовал, что давно хотел и готов идти легко в этот неведомый мир, чтобы исцелять, дарить надежду и верить в чудо травы Аам Тари. Везде. Всегда.»

Когда Мудрец закончил рассказ, в доме стояла мирная тишина. И неясно было, кому он рассказывал свою сказку: спокойно сопящей девочке, мальчику, набирающемуся во сне сил, двум мудрецам, лежащим в жару и лихорадке у дальней стены или самому себе...

Он осторожно встал, запахнул халат, натянул на лицо платок и пошёл менять повязки.

К концу недели оба мудреца пошли на поправку. Оспин было немного и они почти не оставляли следов. Третий мудрец аккуратно собирал с них чешуйки в небольшую склянку и запечатывал её каждый раз свежим сургучом. Измождённый и осунувшийся он был счастлив, что все живы. Но битва с болезнью только начиналась...

Ещё через два дня мальчик начал есть варёные овощи, а мудрецы, хотя были ещё слабы, направились в Совет старейшин, показывать свежие следы оспин и уговаривать разрешить прививание всем жителям Дхарана.

Город жил, как в осаде. Безлюдные улицы, заколоченные лавки. У каждого крыльца был сложен небольшой алтарь из красных тряпиц и украшений с подношениями Мариатале, богине оспы. Дважды в день сторожа приносили с горной дороги оставленную благодарными соседями еду: рис, бобы, свежие лепёшки.

Из Совета мудрецы двинулись по дороге вместе с глашатаем, читавшим разрешение на прививку. Расположившись под одним из пустующих навесов на рыночной площади, они начали прием. Испуганные, растерянные люди шли и шли в надежде на помощь и опору. И мудрецы осматривали, прививали, раздавали лекарства и советы.

Их не было долго, так долго, что третий мудрец увидел, как деревья и горы за окном стали расти, заслоняя собою солнце. Звуки с улицы летели в дом ураганом и заглушали бешеный стук крови в висках и сбивали дыхание. Стены покосились, пол встал дыбом, мудрец упал, потянув за собой только что сложенную стопку бинтов и простыней.

Он очнулся глубокой ночью, лежа под мокрыми от пота простынями. Теперь на его лбу и запястьях были заботливо сложены повязки, пахнущие лечебным отваром. Возле руки, в самодельной, едва похожей на платье, рубахе сидела девочка. В его ладони и между пальцами непомерной для него сейчас тяжестью лежали камешки. Она сидела как обычно, не шевелясь, глядя, как очередная капля скользит по его лбу, виску и исчезает в седине за ухом.

Комната снова начала кружиться: потолок и стены напирали, грозя раздавить, стопки книг, свеча в глиняной чашке, то возвышались утёсами, то скакали по полу бисером... В центре этого немислимого смерча, уносящего в темноту остатки его сознания, последним лучом ускользящей жизни было лицо безымянной девочки, смиренно сидящей подле его постели. Она не отводила глаз и негромко повторяла: «Аам Тари, Аам Тари... Аам Тари».

«Иди легко в этот неведомый мир, чтобы исцелять, дарить надежду и верить в чудо. Везде. Всегда.» – подумал Мудрец и закрыл глаза.

Гадальщик

Светаёт. Ещё приглушенно, но уже с нарастающим шумом, вокруг просыпается базар. Уже слышны надрывные крики водоносов и лепёшечников, спящих между рядами. Уже щедро со всех сторон тянет ароматами свежеприготовленной еды, специй, чая, верблюжьего молока.

Я иду между всего этого многоцветья. Нет, не иду. Бреду. Сегодня я снова займу своё место среди гадальщиков. Почетное. На самом верху, в тени навеса.

Мой выцветший коврик и потертый мешочек для монет, отполированные кости для гадания, вот и всё моё имущество. Я сижу на этом базаре сорок лет, с того самого дня, как я вернулся, отучившись, из Бухары.

И сегодня мой последний день.

Она пришла ко мне в сумерках. Под многослойным покрывалом я не видел не только её лица. Я едва мог разобрать, что кто-то вообще есть под этой грудой ткани. Едва слышное позвякивание то ли украшений, то ли монет в её кошельке, обещали мне добрый ужин.

Она попросила посмотреть её будущее. Она недавно очень удачно вышла замуж и хотела подарить мужу наследника.

Я раскинул кости. И онемел. За её спиной стояла смерть.

Трижды я перемешивал кости, чтобы отогнать пугающий образ. И трижды он возвращался, едва я отрывал взгляд от коврика. Что мне было делать?

Очень тихо и с нежностью, на которую способен только старик, говорящий с юной девушкой, я на все лады стал убеждать её позаботиться о своём здоровье. Не выходить никуда из своих покоев, не есть необычной еды, не принимать гостей. Она хотела знать почему, и я было начал плести ей про звёзды, что они неблагоприятны для неё... Но почувствовал взгляд. Из-под сетки паранджи на меня смотрели глаза, которые уже знали правду. И я сказал. Я предупредил её, что у неё очень мало времени. И она должна подготовиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.